

для своих лошадей, а главное, сразу попадали в пределы древней Мидии, с которой вела борьбу союзница скифов Ассирийская держава (гл. 1).

Свидетельства письменных источников автор подкрепляет археологическим материалом из погребений предгорной полосы и прилегающей к ней плоскости, показывая, что соотношение элементов кочевнической культуры и туземной не превышает пропорции 1:10 (гл. 3). «Много это или мало?» — спрашивает автор, и сам же отвечает: — «Я думаю, достаточно для того, чтобы придать особую окраску плоскостным кобанским памятникам на фоне горских, где степное влияние в обряде фактически отсутствует, а в инвентаре очень скромно. Но я убежден, что неизмеримо мало для суждений о завершении в скифское время языковой и любой иной ассимиляции даже только плоскостных кобанцев» (стр. 291).

Весьма ценным в работе В. Б. Виноградова является также и то, что, используя различные источники, он устанавливает неоднородность состава самих кочевнических племен, что прежде, если и допускали отдельные исследователи, то чисто декларативно. «Сегодня уже недостаточно, — пишет В. Б. Виноградов, — простого признания наличия в степях Северного Кавказа погребальных памятников кочевников «скифского» круга (в широком его понимании). Недостаточно и выделений их в массу сугубо местных памятников. Изучение политической истории, проблем этногенеза и эволюции культур населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа не может мыслиться без попытки этнокультурной интерпретации каждого отдельного степного памятника, их территориальных групп, характерных разновидностей и всех их в целом» (гл. 2, стр. 39).

В рецензируемой книге рассматриваются и другие сюжеты из этнической истории, материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа, находящиеся на стыке интересов различных научных дисциплин, и в частности, археологии и этнографии. В числе их этногенез и ассимиляция одного этноса другим, взаимодействия разнородных культур, попытки дешифровки семантики орнаментальных мотивов и т. д. Именно поэтому, в своем исследовании автор весьма охотно пользуется данными полевой и теоретической этнографии, как впрочем и ряда других смежных наук. Этнограф-кавказовед (да и не только кавказовед) почерпнет в книге В. Б. Виноградова немало интересного, несмотря на возможную спорность решения отдельных затронутых в ней проблем. Книга написана прекрасным языком с хорошим полемическим задором, но в то же время с большим тактом и уважением к мнению оппонентов.

Подводя итог, скажем, что рассмотренная работа представляет собой значительный вклад в кавказоведение в широком смысле этого слова. Вопросы, поставленные и решаемые в книге В. Б. Виноградова, как-то: определение степени воздействия кочевой скифской культуры на местную кобанскую культуру, пересмотр границ локальных вариантов последней и ряд других, вносят существенные коррективы в установившиеся представления о характере этнокультурных процессов на Северном Кавказе, в частности в его Центральных и Северо-Восточных районах, в I тыс. до н. э.

В. П. Кобычев

Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Под редакцией С. М. Абрамзона. Фрунзе, 1972, 168 стр.

Автор поставил в своей книге две задачи. Первая из них — попытка выяснить место и значение доисламских верований (или их пережитков) в современной идеологии сельского киргизского населения и проанализировать причины их живучести. Это имеет актуальное значение, так как подобные верования играют тормозящую, отрицательную роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся.

Вторая задача состоит в научной характеристике местных доисламских верований, у киргизов, которые впервые подверглись специальному изучению. Автор привлекает значительное число разнообразных источников, среди которых главное место занимают ее собственные многолетние полевые наблюдения и записи. Значение впервые введенных в научный оборот материалов велико: они не только служат ценным источником для этнической истории киргизов, для выявления их историко-генетических и этнокультурных связей в историческом прошлом, но и сыграют существенную роль при изучении ранних форм религии.

Пережитки доисламских верований Т. Д. Баялиева изучала в различных районах Киргизии у разных половозрастных групп населения. Это позволило ей обосновать ряд существенных выводов.

Прежде всего установлено, что пережитки доисламских верований исчезают неравномерно. Некоторые из них исчезли совершенно (например, шаманский культ). Другие же оказались живучими: к ним относятся, например, верования, связанные с погребением умершего, с магическим воздействием на погоду и др. Отрицательную роль подобных пережитков автор справедливо видит не только в идейном, моральном ущербе, наносимом ими формированию и развитию научного мировоззрения среди широких слоев сельского населения, но и в материальном отношении. Моления о хорошей погоде (при засухе или наводнениях) сопровождаются жертвоприношением домашнего скота близ мусульманских

«святынны», а погребальный обряд, с его пышными поминками, связан с большими материальными затратами. Такие обряды обычно отвлекают много людей от нормальной производственной работы, наносят материальные убытки общественному производству. Проведение этих обрядов привлекает много лиц из числа неверующих, в том числе и молодежи. Одни приходят из любопытства, другие из уважения к старшим или повидаться с родными и знакомыми, третьи — ради обильного угощения и т. д.

Социологическое обследование, проведенное автором в некоторых районах, позволило сделать ряд обобщений относительно большей религиозности старшего поколения, особенно среди женщин. Выводы и соображения Т. Д. Баялиевой по поводу борьбы с пережитками доисламских верований, на которые местная научно-атеистическая пропаганда обычно обращает мало внимания, несомненно полезны для практической работы по преодолению религиозно-бытовых пережитков у киргизов.

Обращаясь к предмету изучения Т. Д. Баялиевой следует коснуться самого термина «доисламские верования». Он очень расплывчат, так как включает в себя самые различные религиозные представления, предшествующие появлению ислама. В книге Т. Д. Баялиевой в эту категорию попали далеко не все религиозные верования, бытовавшие у предков современных киргизов и их ближайших соседей до появления ислама. Автор рассматривает только ранние формы «естественных» народных религиозных представлений, не касаясь вопроса о пережитках буддизма, зороастризма, манихейства, несторианства, которые в той или иной степени были распространены в Средней и Центральной Азии в доисламское время и коснулись киргизов. Однако и ранние формы религиозных верований не представляли собой единого целого, поэтому нельзя согласиться с тем, что автор пишет обобщенно о каком-то «доисламском религиозном мировоззрении и мировосприятии» (стр. 7).

Поскольку упоминаемая группа народных религиозных верований сохранилась в комплексе, то расчленив их по тем или иным признакам, в той или иной последовательности, конечно, необходимо. Автор дает свою классификацию этих явлений: тотемизм или его пережитки, культ природы, производственная магия, демонологические культы, культ предков, погребальный культ, шаманство. Надо сказать, что для ранних форм религиозных верований существует ряд отличающихся одна от другой классификаций¹. Общепринятой классификации этих явлений у нас еще нет. Поэтому едва ли стоит особенно критиковать классификацию, предложенную Т. Д. Баялиевой. Какова бы она не была с точки зрения истории религии, в данной книге ее звенья помогают группировке конкретного материала, без претензий на общую классификацию первобытных форм религии. Тем не менее отдельные высказывания автора относительно общих религиозных проблем и вопросов происхождения и классификации ранних форм религиозных представлений вызывают возражения. Так, погребальный обряд необоснованно отнесен к особой форме религии, да еще к одной из древнейших ее разновидностей (стр. 61). Некоторые высказывания явно ошибочны, например, утверждение об изначальном одушевлении природы, а затем уже ее олицетворении (стр. 33).

Однако, такого рода недостатки не могут заслонить достоинства работы, из которых главное — конкретная характеристика и анализ религиозных верований и культов. Научная ценность глав, посвященных этой проблеме, кроме уже отмеченного практического значения, состоит в том, что они заполняют существенный пробел в этнографии киргизов. Этнографы и религиоведы получили возможность составить представление о шаманстве киргизов в наиболее полном и систематизированном виде и уяснить конкретные различия и особенности шаманства у северных и южных киргизов и трансформацию шаманства под влиянием ислама. Автор неоднократно подчеркивает переплетение доисламских религиозных верований у киргизов с исламом, отмечая, таким образом, синкретический характер ряда религиозных пережитков у киргизов. Плодотворным оказалось и сравнение, которое автор проводит между киргизским шаманством и южносибирским. Оно позволило с достаточным основанием отнести ряд киргизских верований и культов, священных действий и молений именно к шаманским, а также раскрыть историко-научное значение данного материала для этнической истории и этногенеза киргизского народа, в сопоставлении его с аналогичными фактами из верований других народов. Поэтому вполне обоснованно Т. Д. Баялиева обращает внимание на серию фактов, подтверждающих ранние этногенетические связи между киргизами, якутами, бурятами, уйгурами и алтайцами (стр. 139, 147). К этому можно добавить данные о таких же связях с тувинцами. Например, у киргизов духи-покровители диких горных животных именуются «эрен». Тот же самый термин («эрень») у тувинцев означает различные изображения (идолы) духов-покровителей (у бурят такие изображения называются *онгон*, у хакасов *тюд*). Следовательно, историко-генетические связи предков киргизов с предками современных тувинцев, хорошо устанавливаемые по родоплеменным названиям, подтверждаются и материалами шаманства. Это можно сказать и по поводу киргизских верований, связанных со злым демоном «калбасты», который в верованиях тувинцев выступает (также в женском облике) под тем же названием; или в отношении почитания киргизами филина, который весьма почитался также тувинскими и алтайскими шаманами.

¹ См. например: Г. П. Снегирев, Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1960; С. М. Абрамзон, Киргизы и их этнические и историко-культурные связи, Л., 1971.

В киргизском материале хорошо выделяются некоторые религиозные верования и обряды, характерные для тюрков VI—VIII вв. Анализ и интерпретация их широко аргументированы в книге С. М. Абрамзона (см. сноску 1). Факты, опубликованные Т. Д. Баялиевой, подтверждают этногенетические выводы и обобщения С. М. Абрамзона о наличии в этническом составе киргизов древних тюркских этнических элементов. Мимо этих материалов не пройдет, конечно, ни один тюрколог; этнограф или историк, занимающийся этнической историей и происхождением упомянутых народов.

Отдельные материалы по верованиям ценны и для истории общественного строя киргизов. Так, в погребальном обряде киргизов зафиксирован обычай хоронить умершего, где бы он не скончался, на его родовом кладбище. Это, в свою очередь, может указывать на то, что древний род у киргизов имел в прошлом собственную территорию. В таком плане, очевидно, можно толковать установленное С. М. Абрамзоном и др. почитание отдельными киргизскими родами своих «священных» гор, поскольку родовой культ гор, как показано на материале саяноалтайских народов, отражал родовую собственность на территорию².

Полевые материалы Т. Д. Баялиевой содержат не только ссылку на имя и местожительство информаторов, но и указывают на их родоплеменную принадлежность в прошлом. Последнее обстоятельство весьма существенно для научного анализа исследуемого материала. Названия родоплеменных подразделений, еще не исчезнувшие из памяти многих представителей старшего поколения киргизов, весьма устойчивы. Они отражают собой целую область народных исторических знаний, которую можно назвать народной этногенетикой, с присущей ей особой систематикой этнического состава и генеалогии местного населения, передаваемой изустно. Как известно, родоплеменное деление сравнительно недавно было характерной структурой общества многих кочевников-скотоводов, отражавшей их кочевой и полукочевой образ жизни, при котором сколь-либо устойчивое территориальное разделение населения практически невозможно. Народные знания, связанные с номенклатурой родоплеменных делений, их генеалогиями, преданиями о происхождении и расселении и т. д. тех или иных групп, являются весьма ценным историческим источником для изучения этногенеза и этнической истории, для выяснения этнокультурных и этногенетических связей многих, кочевых в прошлом, народностей. Научное значение данного источника уже давно было понято отдельными русскими учеными³. Однако более успешно и широко используют его, в комплексе с другими видами источников, советские ученые⁴.

Соотнесение в книге Т. Д. Баялиевой некоторых верований с родоплеменной структурой киргизов, весьма показательна. Большинство аналогий и параллелей киргизского материала с южносибирским оказалось зафиксированным у представителей тех родоплеменных групп киргизов, исторические предки которых, как известно, обитали в период раннего средневековья в горах Саяно-Алтая и Хангая (Бугу, Сарыбагыш, Мундуз, и др.).

В работе Т. Д. Баялиевой, написанной на полевом материале, использована довольно большая литература на русском языке как старая, так и советская. К сожалению, тираж этой нужной книги явно занижен (500 экз.), что, несомненно, снизит ее практическую пользу.

Л. П. Потапов

² С. М. Абрамзон, Указ. раб., стр. 301; Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Сов. этнография», 1946, № 2.

³ См. например, А. И. Левшин. Описание Киргиз-казацких и Киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I. СПб., 1832; Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов, «Живая старина», 1894, вып. III—IV, и др.

⁴ См. Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; его же, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969; Н. А. Сердобов, История формирования тувинской нации, Кызыл, 1971; Р. Г. Кузеев, Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957; его же, Башкирские щежере, Уфа, 1969; В. В. Восторов, М. С. Муканов, Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968; С. М. Абрамзон, Указ. раб. и многие другие работы.

А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972, 249 стр., 38 табл.

Изучение наскальных изображений давно привлекает внимание широкого круга специалистов, занимающихся проблемами становления и развития духовной культуры. И это неудивительно, так как расположенные в глубине пещер или помещенные на отвесных скалах, прибрежных камнях рисунки эпохи позднего палеолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа являются подчас едва ли не самым убедительным свидетельством богатой духовной жизни первобытных людей. И если у большей части